

ГУМАНИЗАЦИЯ НАУКИ: НОВЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Даётся краткий анализ взглядов различных философов на гуманизацию науки. Автором предпринята попытка нового обоснования этого понятия. В философский и научный обороты вводится новое понятие – *постгуманизация* науки.

Ключевые слова: концепция постгуманизма; постгуманизация науки.

Наше время глобальных изменений часто описывается в современной философской литературе как эпоха поиска новых мировоззренческих идеалов, время сдвига в глобальном миропонимании. В этой связи требуют своего переосмысления многие философские вопросы, относящиеся к философии науки, и в частности – к вопросу о гуманизации науки. В целом смеем заметить, что данный вопрос в той или иной мере затрагивает каждый исследователь, занимающийся проблемами философии науки.

Трудность дескриптивного «озвучения» предмета настоящей статьи – взаимоотношения гуманизма и науки проявляется в двух обстоятельствах. Во-первых, гуманистическое и научное мировоззрения включены в разные формы общественного сознания: философию и науку. Процессы взаимопроникновения всех форм общественного сознания шли на протяжении всеобщей истории человеческой мысли; сегодня их пересечение обнаруживается ещё в одной точке – гуманизации науки. Во-вторых, ни наука, ни гуманизм не являются какими-либо застывшими теоретическими конструкциями. Свои этапы развития есть как у той сферы, так и у другой. Не обращаясь к историко-философскому анализу, кратко коснёмся современного положения вещей в обеих областях.

Научный поиск, новые научные открытия дали возможность в вопросе о периодизации науки говорить о современном этапе, получившем наименование *постнеклассического*. В.С. Степин был в числе первых, кто предложил этот термин. В своих трудах [1, 2] он показал, что начавшийся в последней трети прошлого века и продолжающийся по сей день постнеклассический этап стал закономерным итогом взаимодополняющих друг друга социокультурных (т.е. внешних) и соответствующих логике развития науки (т.е. внутренних) тенденций. Об этом, например, свидетельствует одно из последних достижений в области методологии науки – *эндофизика*. Эндофизика могла возникнуть только в парадигме постнеклассической научной рациональности, т.к. означает такой подход к изучению реальности, при котором исследуется не только объект, но и субъект, не только изучаемая действительность, но и находящийся в ней наблюдатель [3]. Параллельно с В.С. Степиным теоретической разработкой периодизации науки занимался идей другой известный отечественный философ В.В. Ильин. Он представил на суд научной общественности свою формулировку текущей стадии развития науки – *«неонеклассика»* [4. С. 98–104; 5. С. 128, 130–131]. Однако общеупотребимым термином на сегодня является *«постнеклассическая»* рациональность В.С. Степина.

Если говорить о гуманизме, то нынешнее состояние гуманистических идей характеризуется исключитель-

ной пестротой. Спектр интерпретаций гуманизма простирается от индивидуалистических до энвайроменталистских пристрастий их авторов. Концепция *постгуманизма*, которой мы придерживаемся, основана на нескольких ключевых положениях. Предполагается, что в мире существует три основных «действующих лица»: человек, общество и природа. Между ними постепенно возникает всё более усложняющееся триединство отношений. Названные акторы между собой диалектически равны, правомочны. Вследствие этого они «обречены» на коэволюцию; её цель – в асимптотическом приближении гармонизации отношений трёх основных акторов мезокосма. В области общественной практики данные послышки плотно коррелируют с концепцией *устойчивого развития*.

Итак, мы рассматриваем процесс гуманизации науки по двум базисным основаниям. Первое – «в системе координат» философии науки как области больше философской, чем научной. Второе – в плане проникновения идей постгуманизма в научные проекты.

Современные исследователи конвенционально выявляют один из признаков постнеклассической науки. Он выражается в усилении её социокультурной обусловленности. Такое утверждение заслуживает пристального внимания. С одной стороны, это требование времени: в новейшей истории мир неоднократно испытывался и продолжает испытываться на прочность, в том числе и по вине науки. С другой стороны, многими из тех, кто сейчас работает в области философии науки, в качестве всё более возобладающей преподносится следующая позиция. Считается, что социокультурная обусловленность задаёт ценностную (или ценностно-целевую) мировоззренческую установку развитию современной науки. Указанная трактовка общественного влияния на науку содержится в работах Т.Г. Лешкевич, В.А. Лось, Л.А. Микешиной, Г.И. Рузавина, Е.В. Ушакова и др. Более того, существует группа учёных (В.В. Балахонский, Б.К. Джегутанов, В.И. Стрельченко, Г.Н. Хон и др.), которая в своих философских построениях пришла к выводу о тождественности процессов аксиологизации и гуманизации науки.

Во многом с упомянутыми философами можно согласиться: и с необходимостью гуманитарного контроля в науке и высоких технологиях, и с экологическими, а также с социально-гуманитарными экспертизами научно-технических проектов, и с возрастанием ответственности учёных перед обществом за результаты их научной деятельности, и с соединением в постнеклассической научной картине мира мировоззренческих поисков Востока и Запада и пр. По нашему мнению, социокультурная обусловленность науки необходима для того, чтобы наука развивалась как элемент культуры, т.е. чтобы она не противопоставляла себя обществу,

человеку, природе. Именно в этом проявляется онтологический аспект гуманизации науки.

Данная проблема есть частный случай более общей, глобальной проблемы отчуждения человека и общества от созданных ими социальных (в широком смысле слова) структур. Вопросы, связанные с этой проблемой, выходят за рамки настоящей статьи; тем не менее, отметим, что гуманизацию науки мы рассматриваем в виде одного из воплощений её социокультурной обусловленности. По существу, это часть мировоззренческого сдвига, часть культурного перехода, свидетелями чего мы являемся.

Если говорить об аксиологическом аспекте гуманизации науки, то с позиций постгуманизма он видится нами в ценностно окрашенных отношениях не только в обществе, не только между человеком и обществом, но и между человеком и природой, между обществом и природой. Поэтому нам кажется интересным содержание «Манифеста 2000», подготовленного П. Куртцем и одобренного многими выдающимися деятелями науки и искусства [6. С. 443–484]. Стоит отдельно заметить, что концепция «Манифеста 2000» – концепция *планетарного гуманизма* – базируется на валюативном подходе. Именно поэтому в документе отношения: «общество – человек» трактуются с определённым «креном» в пользу последнего, а отношения «человек – природа» и «общество – природа» в основном не выходят за рамки охраны окружающей среды. С нашей точки зрения, это упрощённое толкование такого рода отношений.

В новом гуманистическом манифесте уделяется особое внимание науке и неразрывно связанной с ней технике – соответственно гл. III и IV. К сожалению, узкое место концепции планетарного гуманизма выявляется и в этом научно-техническом аспекте: лишь в гл. IV документа «Позитивные плоды технического прогресса» говорится об опасностях бесконтрольного применения новых технологий. Но в целом, несмотря на недостатки, «Манифест 2000» формулирует много бесспорных положений, роднящих его с концепцией устойчивого развития: ответственность перед будущими поколениями, цивилизационный уровень разрешения глобальных проблем, невозможность остановить научно-технический прогресс и т.п.

Проблемы, затронутые в «Манифесте 2000», поднятые философами науки, требуют рефлексии философских оснований их решения. Неправильным было бы утверждение о том, что ранее не предпринимались подобные попытки. Хорошим примером являются статьи С.А. Рудзьявичюса «Биосоциальный синтез и экология» [7]. С.А. Рудзьявичус одним из первых попытался посмотреть на некоторые проблемы, к примеру, на экологическую проблему с позиции триединства человека, общества и природы. Его взгляды отличало стремление изучать проблемы не только в аксиологическом, но и в гносеологическом аспектах. Он предвосхитил постнеклассическое понимание субъекта и объекта, философовство о двойственности человека между тем и другим.

Однако мировоззренческая парадигма, довлеющая над исследователем, не позволила ему в полной мере реализовать свои теоретические установки. Красной нитью через всю статью проходит идея о преимущественном характере активно-пассивных отношений об-

щества и биосферы. Аксиологическое и гносеологическое измерения перекрываются «социализацией» науки. Всё это укладывается в традиционную схему соотношения субъекта и объекта. В итоге, подвергнув анализу процессы гуманизации науки, С.А. Рудзьявичус пришёл к тривиальному антропоцентризму. Тем не менее не все его наработки канули в лету. В качестве примера укажем, что требование социологизации науки трансформировано современными философами в идею социальной ответственности науки, конкретизируемую в идее социально-гуманитарной экспертизы.

Свой вариант философских оснований разрешения исследуемой проблематики предоставил современный американский философ Дж. Нейсбит. В книге «Высокая технология, глубокая гуманность» (1999) [8] он со своими соавторами задался вопросом: насколько противостоят друг другу явления, вынесенные в её заглавие? Вывод носит следующий характер: технология и соответственно её производители и потребители должны быть социально ответственны и руководствоваться целью развития, а не разрушения гуманных основ общества. «Глубокая гуманность» под этим углом зрения трактуется американским исследователем как сочетание позитивных технологических интересов человека и общества.

Но проблему можно поставить шире. Всякая современная технология обусловлена развитием науки. Но и наука, и технология являются фактически инструментами познания бытия. Поэтому от человека и от общества зависит, *какой* будет имплементация этих инструментов. Нам кажется, что Дж. Нейсбит и его коллеги исследовали проблему только с одной стороны – со стороны технологической, а она требует многостороннего рассматривания.

Поэтому нам представляется непродуктивной позиция тех учёных, которые выделяют технологию в качестве самостоятельного мирового субъекта наряду с обществом, природой и человеком (М. Маклюэн, Э. Янч и др.). Подобные идеи детерминированы технократическими и сциентистскими установками, содержащимися в мировоззрении их авторов. Вместе с тем следует согласиться с Дж. Нейсбитом относительно императива социальной ответственности технологии и создателей. С нашей точки зрения данный императив предварительно должен быть распространён на науку, а следовательно, на ее творцов.

Вообще же встраивание науки в систему общественных институтов, её истинная социализация есть одно из направлений развития философии науки сегодня. Приведём лишь один пример. М. Фишер предлагает институциональный подход для переосмысления роли науки и технологии в общественном устройстве (цит. по: [9]). Он полагает, что наука и технология должны стать настоящими социальными институтами, т.е. быть «органической частью социально-культурного пространства». Американский философ делает упор на общественную значимость науки и техники.

В заявленной канве рассуждений значимость, равно как и ответственность науки и технологии, должна быть не только перед обществом, человеком, но и перед природой. В этом плане нельзя не признать эвристичным философское суждение, согласно которому

сущность науки, как и техники, перестала быть чисто научной и чисто технологической.

Данная проблема имеет несколько смыслообразующих измерений: ответственность научного коллектива и/или учёного за обнародование своих открытий, их ответственность за достоверность порученных им экологических и других экспертиз научно-технических проектов, ответственность властей за организацию гуманитарного контроля над применением научных открытий. Ответственность, трактуемая в постгуманистическом ключе, приобретает экзистенциальное звучание, поскольку речь идёт не только об ответственности человека перед обществом и природой, но и перед самим собой. На этом основании представляется возможным говорить об экзистенциальном аспекте гуманизации науки.

Дискутируя о гуманизации науки, невозможно избежать гносеологического аспекта, имманентно присущего науке и как форме общественного сознания, и как деятельности. Следует отметить, что у исследователей, в том числе и у философов науки, остается соблазн заниматься «чистой» наукой, «чистым» науковедением без учёта социокультурных оснований. В таком «фарватере» примечательной выглядит позиция, предложенная современным отечественным исследователем В.Д. Паронджановым [10]. Она выражается в идее «стратегической интеллектуальной инициативы», цель которой – улучшение человеческого интеллекта. Реализуется «инициатива» путём создания новой теории, которая должна обосновать и выявить глубинную связь идей «мироязыка» (совокупность профессиональных языков), «мироинформации» (профессиональные знания человечества, представленные в зрительной форме) и «мироинтеллекта» (коллективный разум человечества). В итоге схема действий должна (по В.Д. Паронджанову) выглядеть так: от синтеза мироязыка через совершенствование мироинформации к улучшению мироинтеллекта.

В общем и целом В.Д. Паронджанов переводит реализацию гуманистических принципов в практическую плоскость. Однако его когнитивный подход остается за пределами парадигмы социально-философских исканий современной гуманистики, т.к. фундирован, по сути, антропоцентрическим миропониманием. Но нам кажется, что гносеологический поиск, осуществляемый ради самого себя, не имеет смысла – ему нужна гуманистическая ориентация. Позиции постнеклассической науки и постгуманизма в этом вопросе имеют много общего. Постгуманизм вводит в сферу научно-рационального поиска наряду с человеком (в соответствии с современными постнеклассическими представлениями) общество и природу.

Все вышерассмотренные аспекты гуманизации науки находят своё обобщающее выражение в акмеологическом аспекте. В целом науке во всех типах её рациональности (классическом, неклассическом, постнеклассическом) эссенциален этот аспект, потому что наука всегда стремилась к высотам человеческого духа. Гуманизация науки, переосмысленная в философском

поле постгуманизма, имеет несколько изменённое акмеологическое содержание. Это значит, что реальными позитивными достижениями науки могут считаться и те результаты, которые «работают» на коэволюцию общества, природы и человека, преследуя цель гармонизации их отношений. Высот человеческого духа учёный сможет достичь, если свой духовный путь, в том числе своё развитие как научного работника, он соизмеряет с потребностями общества и природы. Так понимаемая «акмеологическая экспертиза» могла бы стать составной частью имплементации научных открытий.

Итак, предлагаемая интерпретация гуманизации науки представляет собой процесс проникновения постгуманистических идей в научное мировоззрение, и, смеем надеяться, в перспективе – в научную деятельность. В этом смысле гуманизация науки выражается в нескольких аспектах:

- онтологическом (через социально-культурную обусловленность развития науки);
- аксиологическом (через придание ценностных характеристик тем научным результатам, которые учитывают ценности всех элементов триады мезокосма);
- экзистенциальном (через включение в круг ответственности науки всех акторов мезокосма);
- гносеологическом (через включение в сферу научной рациональности кроме человека, общества и природы);
- акмеологическом (через соотнесение научных достижений с со-развитием общества, человека и природы).

Эндогенная (аспектная) сторона гуманизации науки неотделима от экзогенной (трендовой) её стороны. Гуманизация науки как процесс развивается в двух взаимовлияющих друг на друга направлениях: переориентация научного поиска и изменение существующих в нём приоритетов. Переориентация научного поиска является следствием наступающего в науке периода постнеклассической рациональности, а изменение существующих приоритетов – следствием отхода от антропо- и социоцентрических целей научно-технического прогресса и замены их на эгоцентрические. Предложенные новые философские основания гуманизации науки дают возможность выдвинуть новое понятие, объясняющее процессы, которые идут в научной сфере. Это понятие «постгуманизация» науки. Оно обеспечивает введение науки в иной социально-культурный контекст.

Таким образом, наш философско-гуманистический подход строится на балансе перспектив развития общества, природы и человека.

Постгуманизация науки позволит:

- 1) обществу – избежать перспективы стать социумом машин, компьютеров и прочего, в котором нет места человеку;
- 2) человеку – избежать перспективы стать придатком механизмов, киборгом и т.п.;
- 3) природе – избежать перспективы её поглощения техносферой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
2. *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
3. *Алюшин А.Л., Князева Е.Н.* Эндофизика и временные шкалы виртуального восприятия // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 80–96.
4. *Введение в историю и философию науки: Учеб. пособие для вузов / Под ред. С.А. Лебедева.* М.: Академический Проект, 2005. 407 с.
5. *Философия науки. Общий курс: Учеб. пособие для вузов / Под ред. С.А. Лебедева.* М.: Академический Проект, 2006. 736 с.
6. *Антология русской философии: Учеб. пособие для вузов: В 3 т. / Гл. ред. Л.М. Шлионский.* СПб.: Сенсор, 2000. Т. 3. 639 с.
7. *Рудзевичюс С.Л.* Биосоциальный синтез и экология // Человек и природа. М.: Наука, 1980. С. 95–115.
8. *Нейсбит Дж., Нейсбит Н., Филипс Д.* Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 381 с.
9. *Али-заде А.А.* Фишер М. Наука, технология и общество // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8. Науковедение. 2007. № 1. С. 80–82.
10. *Паронджанов В.Д.* Устойчивое развитие и проблема улучшения интеллекта // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 125–135.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 13 февраля 2009 г.